

— Генерал Е — человек прямого и широкого нрава, наши мужчины из Бэймо должны быть такими же, как он, — первым откликнулся князь Диннань Хань Гуанли, выходец с полей сражений, поднял бокал и осушил его залпом. Многие военные чины последовали его примеру. Даже в глазах некоторых молодых гражданских чиновников и ученых мужей промелькнуло волнение.

— Генерал Е — опора государства, и в будущем он непременно вернется с триумфом. Сегодня день рождения Ачжао, генерал, зачем говорить о жизни и смерти? Я здесь, во-первых, желаю княжне Чаоян счастливого дня рождения, во-вторых, поздравляю генерала с новыми заслугами, и в-третьих, благодарю отца-императора за то, что он обрёл такого талантливого помощника, — произнесла Жэнь Чэнцин, поднимаясь. Она подняла бокал и выпила за Е Ду. Внизу гражданские чиновники один за другим начали поднимать тосты за Е Ду, Жэнь Чэнцин и Жэнь Чэнчжо.

Е Линчжао изначально хотела провести день рождения с Жэнь Чэнцин наедине, но сейчас у той просто не было времени. Чэнцин выпила всё больше, и Линчжао могла лишь беспомощно наблюдать. Заметив, что Чэнцин начинает пьянеть, она поспешила поддержать её. Чэнцин, сославшись на слабость от вина, попросилась уйти, и Линчжао отвела её в задний двор для отдыха.

Спустившись с пира и очутившись на ветру, Чэнцин почти протрезвела. Они сели в беседке в заднем дворе. Хотя каждый год они проводили день рождения вместе, но в этом году Линчжао исполнялось десять лет, что делало этот день особенно важным. Чэнцин достала лаковую шкатулку и передала её Линчжао. Та открыла её, и взору предстал кусок нефрита. Камень был тёплым на ощупь, с мягким блеском и превосходной текстурой, вырезанный в форме листа. Взяв его из коробки, Линчжао обнаружила, что он удивительно тёплый. На свету свечи в середине камня проступал красный оттенок, который постепенно рассеивался к краям, превращаясь в белый, словно рассвет.

— Как красиво, — даже Линчжао, привыкшая к редкостям, не смогла сдержать восхищения.

— Раз Ачжао нравится, значит и мне радостно, — Жэнь Чэнцин надела подвеску на шею Линчжао, продев красную шёлковую нить через отверстие в нефритовом листе.

— А откуда это? — спросила Линчжао с недоумением.

Чэнцин невольно спрятала травмированную руку, но Линчжао заметила это. На всех пальцах Чэнцин были повязки. Сначала Линчжао думала, что это травмы от тренировок, но теперь, подумав, поняла, что тренировки не могли так повредить все пальцы. Она взяла руки Чэнцин и нежно подула на них.

— Это ты, сестра Ацин, вырезала сама? Как же обе руки пострадали?

Такое проявление заботы заставило Чэнцин покраснеть.

— Пустяки, это не мешает.

Она попыталась отнять руки, но Линчжао строго посмотрела на неё, и Чэнцин остановилась, смущенно объяснив:

— Я в первый раз взялась за резьбу, руки не привыкли, а чтобы успеть к твоему дню рождения, пришлось торопиться. Правая рука уставала — стала левой.

Линчжао была одновременно раздражена и тронута.

С наступлением ночи гости начали расходиться, и вскоре во дворце должен был начаться комендантский час. Жэнь Чэнцин и Жэнь Чэнчжо также попрощались с Е Ду, а Линчжао с грустью проводила Чэнцин. Когда в особняке генерала воцарилась тишина, Е Ду вызвал Линчжао в кабинет. Глядя на дочь, которая из маленькой девочки превратилась в юную девушку, он испытывал огромную гордость. Но его также беспокоила её судьба. Императорская семья относилась к нему с подозрением, и ему нужно было заранее позаботиться о будущем дочери. Сегодняшний приём был не только для того, чтобы объявить о существовании Чжао, хотя она ещё мала, но семьи уже начали присматривать невест для своих сыновей. Это также было заявлением о её статусе, чтобы повысить её ценность как невесты, и давлением на императорскую семью, чтобы даже в случае его смерти к Чжао относились с уважением.

— Чжао, тебе понравился праздник, который папа устроил сегодня?

— Нравится, Чжао любит. Только Чжао не понимает, зачем папа так поступил?

— Моя Чжао разом и десять лет исполнилось. Я хочу, чтобы весь мир знал, что у меня есть хорошая дочь. На сегодняшнем пиру, Чжао, не приглянулся ли тебе чей-нибудь сын? Кто смог бы возвыситься благодаря моей Чжао?

— Папа. Чжао любит только сестру Ацин. Чжао хочет быть только с сестрой Ацин, всю жизнь быть с ней, — надув губки, Е Линчжао уткнулась в грудь Е Ду, произнося детские слова, которые заставили её сердце биться чаще.

— Хорошо, хорошо, Чжао любит только старшую принцессу. Чжао хочет стать женой старшей принцессы? — Е Ду поддразнил Линчжао, но она не ответила, уткнувшись в него.

— А какой подарок хочет Чжао на день рождения?

— Всё, что захочет Чжао, папа даст?

— Даже если Чжао захочет луну с неба, папа сорвёт её для тебя.

Е Линчжао глубоко вздохнула. С момента своего перерождения она ничего не меняла, чтобы всё оставалось в пределах её предсказаний. Но теперь она решила сделать самый большой шаг.

— У Чжао есть желанный подарок, но не для себя.

— А что это и для кого?

— Для сестры Ацин.

— Чего хочет старшая принцесса?

— Чжао не знает, чего хочет сестра Ацин, но папа же знает.

Е Ду посмотрел на Е Линчжао и сказал:

— Папа, конечно, знает, чего хочет старшая принцесса. Она хочет Бэймо.

— Тогда папочка, помоги сестре Ацин, ладно?

— Чжао уверена? Знаешь ли ты, что сделает старшая принцесса, взойдя на трон?

— Чжао знает, сестра Ацин непременно приведёт наш Бэймо к могуществу.

Почувствовав, что дочь действительно повзрослела, Е Ду погладил её по голове и начал анализировать ситуацию:

— Нынешний император и императрица нежно любят друг друга, без неожиданностей будущий правитель непременно будет из двух высочеств. Второй принц утончён и добр, если он взойдёт на трон, ему неизбежно понадобятся сильные подданные. Родня императрицы не сильна, восемь из десяти придётся положиться на мой род Е. А старшая принцесса... одарена, умеет терпеть и планировать, властна... к тому же, она — наследник в сердце нынешнего императора, ей не нужны могущественные министры. Если второй принц — правитель хранитель, то старшая принцесса — правитель разрушитель. Она разрушит, чтобы утвердить, и непременно начнёт с моего рода Е, чтобы утвердить власть императора и укрепить позицию. Если взойдёт второй принц, я ещё смогу обеспечить беззаботную жизнь тебе и твоему брату, а если взойдёт старшая принцесса, папа, боюсь, сам себя не спасу. Чжао, всё ещё хочешь, чтобы папа помог сестре Ацин?

Е Линчжао замерла. Она всегда думала, что война между Е Ду и Жэнь Чэнцин в прошлой жизни была вызвана тем, что Е Ду выбрал Жэнь Чэнчжо, но не учитывала их изначальные отношения. Линчжао закусил губу. Лица Е Ду, Е Линкуана и Жэнь Чэнцин мелькали в её голове. Неужели она должна выбрать между семьёй Е и Чэнцин? Нет, в прошлой жизни отец изначально собирался поддержать Чэнцин.

— Папа, Чжао знает только одно: если сестра Ацин взойдёт на трон, она непременно создаст процветающую эпоху для нашего Бэймо. Разве это не то, чего хочет папа? Когда птицы в небе истреблены, хороший лук прячут. Если мы действительно сможем истребить всех птиц под этим небом, мой род Е умрёт без сожалений.

Е Ду поднял Линчжао и громко рассмеялся:

— Моя Чжао действительно выросла. Оказывается, только моя Чжао лучше всех в мире понимает папу. Истребить всех птиц под небом — хорошо сказано! Умиротворить четыре моря, объединить мир. Великие дела покойного императора, к сожалению, не были завершены из-за его ранней смерти. Нынешний император видит недалеко. Сколько ещё лет нужно Бэймо, чтобы появился снова такой властелин. У старшей принцессы выдающийся дух. Если я, Е Ду, в этой жизни смогу найти мудрого государя, который поможет нашему Бэймо объединить мир, то что за беда, если мой род Е прервётся?

В императорском кабинете император сидел на стуле, перед ним лежал указ о назначении Е Ду Великим генералом, усмиряющим Запад, с командованием над 200 000 солдат. Указ уже был скреплён печатью. Внизу на коленях стояла Жэнь Чэнцин.

— Негодная девка! Ты знаешь, что творишь? Думаешь, поле битвы — это место для развлечений? — Услышав просьбу Чэнцин, даже император, известный своим спокойствием, не смог сдержать гнева.

— Дочери известно, поле битвы опасно, в любой момент можно потерять жизнь.

— Тогда зачем ты едешь? Если с тобой случится какая-то беда, как я объясню это твоей матери-императрице?

— Тело и волосы получены от родителей, не смею легко их повредить, дочери обещаю быть максимально осторожной. К тому же, я, дочь императорской крови, какая мелкая шваль сможет легко ранить меня?

— Мечи и сабли не имеют глаз, а ты поедешь с этим проходимцем Е Ду. Нельзя, нельзя, отец-император ни за что не может быть спокоен.

<http://bllate.org/book/16831/1547775>